

Глава 63. Подарок

Цзян Тан застыл.

Недоверчиво он потёр подушечкой пальца по красному следу, потом ещё раз, но зуда не было.

Значит, это не укус насекомого.

Мяса он не ел, зато свиней видел. И потому у Цзян Тана смутно возникла мысль, что это... пожалуй, возможно... тот самый легендарный засос. Раньше, когда парочки после праздников являлись с такими вот отчётливыми следами на шее, они чуть ли не нарочно выставляли их напоказ, чтобы весь мир знал: у них есть пара и даже есть сексуальная жизнь.

Но у него-то не было ни пары, ни сексуальной жизни. Откуда тогда на шее взялся этот маленький засос?

Он долго-долго водил пальцем по этому следу, и в итоге сам же растёр его так, что маленькое красное пятно стало ещё ярче. На белой шее проступил нежный румянец.

След стал ещё заметнее.

Тонкие пальцы мгновенно прикрыли этот участок шеи.

— С-спасибо, — Цзян Тан молниеносно схватил коробочку с мазью, выковырял целую горку зелёной пасты и шлёпнул прямо на красный след, даже не размазывая, только бы спрятать маленький засос целиком и надёжно.

Что-то тут было ужасно, ужасно не так.

Мозг у Цзян Тана вот-вот должен был взорваться. Место, где находился этот подозрительный след, было слишком уж двусмысленным. Если кто-то и правда его там оставил, то для этого надо было уткнуться лицом прямо в его шею... Со всеми вокруг он держал дистанцию. И если уж выбирать самого вероятного подозреваемого, то после превращения в человека он вроде бы только с Фу Линцзюнем и лип, да ещё и несколько дней назад спал с ним на одной кровати...

Неужели?!

Сердце Цзян Тана застучало как безумное, и он не удержался, чтобы украдкой не посмотреть на Фу Линцзюня краем глаза.

Тот в этот момент сидел за столом совершенно прямо. Почувствовав взгляд Цзян Тана, он очень спокойно и открыто встретился с ним глазами.

Совсем не похож на подозреваемого.

Но вот Цзян Тан тут же смутился и поспешно отвёл этот слишком смелый взгляд. В голове у него без конца вспыхивали все сцены, где он был рядом с Фу Линцзюнем, и он пытался отыскать среди них хоть что-то двусмысленное, что-то, где они переступили границу.

И-неужели и правда ничего такого не было?

С тех пор как он стал человеком, кроме того случая, когда Фу Линцзюнь нёс его на руках из-за отсутствия обуви, и того раза, когда он проснулся в его объятиях, всё остальное между ними вроде бы было вполне нормально. Фу Линцзюнь даже, наоборот, временами капризничал и

дразнил его, а ещё заставил тащить кучу вещей чуть ли не через полгорода.

Но этот след ведь не мог появиться сам собой. Неужели это он сам себе наставил его, пока видел во сне всякое такое?

У Цзян Тана чуть не вырвался прямой вопрос. Но в следующий миг он вспомнил, что сидит не один, а за столом полно людей, и силой проглотил этот вопрос обратно.

Ладно. Спросит, когда рядом никого не будет.

Только как именно спрашивать?

«Скажи, это ты поставил мне засос?»

Или так:

«Тебе случайно не кажется знакомым вот этот засос у меня на шее?»

Весь стол ел и обсуждал, как они будут действовать в храме Учань, а в голове у Цзян Тана кругами бегал только этот злополучный засос. Даже еда вдруг перестала быть вкусной.

Сян Син, как верный зритель его трапез, тоже заразился настроением Цзян Тана. Он склонил голову, посмотрел на поникшего Цзян Тана, потом обвёл взглядом стол. Увидев перед Е Чжэнвэнем тарелку шаомай, которую почти уже доели и которая, кажется, была очень вкусной, он взял её и молча придвинул к Цзян Тану.

Е Чжэнвэнь: ? Это вообще-то был его шаомай!

Сян Син проигнорировал его взгляд, потом палочками подцепил ещё один шаомай и положил в тарелку Хуай Чэнъиню.

Как раз по одному на каждого.

Хуай Чэнъинь: ?? Такое чувство, будто его заодно тоже подкармливают.

Он взял этот шаомай, откусил кусочек.

Очень вкусно.

...

Согласно вчерашнему жребью, Хуай Чэнъинь должен был переодеться женщиной и показательно побродить по храму Учань. С помощью Шэн Исюэ он надел довольно простое платье и чуть-чуть подрумянил лицо. Черты у него и без того были миловидные, так что если смотреть только на лицо, получалось даже симпатично. Но рост у него был слишком высокий: из десяти мужчин девять были бы ниже него.

— Вот вы мне скажите, у какого же слепца вообще возникнет мысль меня похитить? — Хуай Чэнъинь дёрнул уголком рта, глядя на себя в зеркало.

Все присутствующие: ...

И правда, выглядело это не слишком надёжно.

Взгляд Фу Линцзюня задержался на Хуай Чэнъине всего на одно мгновение, будто смотреть на это ему было даже немного тяжело, и сразу переместился на Цзян Тана.

Вроде бы самый обычный взгляд, но у Цзян Тана от него моментально побежали мурашки.

Неужели потому, что он уже подозревает великого босса в том, что тот поставил ему засос? Теперь любой его взгляд кажется каким-то не слишком уж невинным... У-у-у, ну как вообще задать этот вопрос? И стоит ли его задавать? А если он всё сам себе напридумывал, не будет ли ужасно позорно так внезапно спрашивать у Фу Линцзюня о подобном?

Цзян Тан изо всех сил постарался выкинуть это из головы и сосредоточился на храме Учань.

Когда вчера он рассказывал Фу Линцзюню об их плане, тот, похоже, не был незнаком с этим местом. Цзян Тан подозревал, что, соглашаясь ехать с Хуай Чэнъинем в префектуру Аньюань, Фу Линцзюнь уже знал о храме Учань. Просто позже что-то ещё более важное задержало его в пути. Значит, план с переодеванием Хуай Чэнъиня в женщину, скорее всего, уже можно было отменить.

И действительно, Фу Линцзюнь заговорил:

— Не нужно переодеваться.

— Ищут человека с восемью знаками чистого инь, пол неважен.

Цзян Тан сразу уловил ход его мысли.

Если вспомнить тех жутких уродов в лабиринтной горе утёса Жисы, то за всем этим явно стоял кто-то, кто собирал людей с восемью знаками чистого инь для каких-то тёмных дел.

И мало ему было вредить культиваторам, так он ещё и руки протянул в мир обычных людей.

Цзян Тан снова не удержался и задумался, чем именно Фу Линцзюнь занимался в те два дня, когда исчез.

Неужели то дело было даже важнее, чем компромат на Цзян Чаньюаня? Раньше он пусть и выпадал из части сюжета, но всё же мог понять общую картину. А в этот раз всё было иначе. Ни до отъезда, ни после возвращения Фу Линцзюнь не упомянул, чем занимался эти два дня. Цзян Тан знал только, что тот ездил в Кунчань. Хорошие там были новости или плохие, он понятия не имел, и от этого на душе было неспокойно.

К храму Учань они прибыли ближе к полудню.

Стояла самая ранняя пора лета. Огромный храм Учань был весь утоплен в высоких деревьях гинкго. Стоило ветру пройти по листве, как зелёные листья начинали мягко шелестеть. Пройдя по строгим и торжественным коридорам, переступив порог, Цзян Тан издали увидел в величественном главном зале несколько статуй Будды.

Статуи с торжественными ликами смотрели на входящих мягкими глазами. Храм Учань был самым известным храмом в городке Цэньнань. Сейчас как раз стоял полдень, паломников было множество, и старики, и дети, и мужчины, и женщины.

Взгляд Фу Линцзюня медленно скользнул по доброжелательным лицам статуй. Правой рукой он незаметно вывел в воздухе прозрачную руну. Та вспыхнула и тут же исчезла на кончиках

его пальцев.

Вся компания обошла храм Учань кругом и так и не нашла никаких следов чудовища.

Е Чжэнвэнь и Хуай Чэнъинь даже снова пустили в ход талисманы синего глаза. С четырьмя распахнутыми глазами они обшарили храм вдоль и поперёк.

Ничего.

Всё-таки рядом с Буддой и обрывок мстительной души не станет держаться поблизости. В храме Учань было чисто до неправдоподобия.

Они уже не первый круг бродили по храму, и стоящий у входа старый даос всё это время поглядывал на них. Взгляд у него был слишком уж цепкий, и к концу последнего круга Е Чжэнвэнь не выдержал.

— И что ты тут гадаешь? — скрестив руки на груди, спросил он у старика, выглядевшего очень уж бессмертно-мудрым. — Сколько стоит гадание на одного человека?

Старый даос провёл рукой по бороде и, качая головой, ответил:

— Для того, кому суждено, не надо ни гроша. Для того, кому не суждено, и тысяча золотых не поможет.

— А мне суждено или нет? — спросил Е Чжэнвэнь.

— Не суждено, — сказал старик.

Е Чжэнвэнь: ...

Он не сдался и указал на стоящего рядом Сун Цзиньяо:

— А ему?

— Не суждено.

Указал на Сян Сина.

— Не суждено.

Потом на Шэн Исюэ.

— Суждено.

Лицо Е Чжэнвэня заметно потемнело:

— То есть вы гадаете только красивым девушкам, да?

Хуай Чэнъинь не выдержал и расхохотался во весь голос.

Отсмеявшись, он понял, что хохотал слишком уж по-мужски, и потому очень чинно прикрыл рот ладонью, но от этого менее насмешливо на старого мошенника смотреть не перестал.

Шэн Исюэ же, напротив, заинтересовалась.

Сегодня все они провозились в храме Учань почти полдня и так ничего и не нашли, так что усталость уже давила на дух. А тут этот старик говорил таким своеобразным тоном, что у неё невольно проснулся интерес. Она сделала два шага вперёд и мягко спросила:

— А если я не скажу, что именно хочу узнать, сможете угадать?

Старик прищурился, лениво скользнул по ней взглядом и, взяв со стола цилиндр с гадальными палочками, протянул ей:

— Тряси.

Шэн Исюэ взяла цилиндр и послушно потрясла его несколько раз. Из него выпала одна палочка.

На ней каллиграфическим почерком была написана половина строки: «Пережив синее море, за воду уже не примешь иное».

Старый даос мельком взглянул на эту фразу:

— Любовь хочешь узнать?

Шэн Исюэ поджала губы и ничего не сказала.

— Не лучшая палочка. Даже если истолковать, только лишнее сожаление добавится. В любовных делах у этой барышни судьба и правда есть. Но с тем человеком, о котором сама думаешь, боюсь, ей не по пути.

Цзян Тан сразу решил, что старик просто несёт чушь.

Шэн Исюэ ведь была героиней. Её каноническая пара — Сун Цзиньяо. Они сейчас чуть ли не прилипли друг к другу. Как это у них может не быть судьбы?

Он скривил губы и буркнул:

— Всё это, ерунда. Пошли.

Но у старика хоть возраст и был почтенный, слух и зрение оставались острыми. Услышав слова Цзян Тана, он тут же насупился. Сунул цилиндр прямо ему в руки и высокомерно вздёрнул подбородок:

— Пусть сегодня у нас с тобой нет судьбы, но я всё равно заставлю тебя признать мою правоту.

Цзян Тан, как человек двадцать первого века, твёрдо веривший в материализм, очень спокойно встряхнул цилиндр и вытряхнул одну палочку. Посмотрел вниз — и там снова была лишь половина строки: «Десять лет между жизнью и смертью, и обе безмерно туманны».

Цзян Тан: ...

Вот это да, одна палочка мрачнее другой.

Он зажал её в руке и тут же снова потянулся трясти цилиндр, надеясь вытряхнуть другую. Старик тут же возмутился, выхватил цилиндр обратно и, бормоча, начал ворчать:

— Вечно молодёжь не верит в судьбу. Но не верь не верь, от этого ничего не изменится. Что

предрешиено небом, от того не уйдёшь...

Он ещё не договорил своё злорадство, как у самой шеи внезапно повеяло холодом. В этой прохладе скрывалось что-то острое, упёршееся ему в горло.

Это был кинжал, способный сбрить волос.

— Гадай ещё раз, — Фу Линцзюнь опустил глаза и холодно посмотрел на старого даоса.

Старый даос: ...

Он тоскливо взглянул на Фу Линцзюня и молча протянул цилиндр обратно Цзян Тану.

Борода у него аж заходила ходуном от злости, а в голосе звучало недовольство:

— Ладно-ладно, тяни ещё раз.

Цзян Тан, который всем сердцем верил, что суеверия — ерунда, но всё же обязан был отстоять своё достоинство, потряс цилиндр пару раз туда-сюда и с огромной осторожностью вытряхнул новую палочку.

Схватил её и тут же посмотрел: «В гармонии цитра и сэ, и нет в этом ничего, кроме тихого счастья».

Глаза его сразу превратились в две лунные дуги. Маленький юноша гордо вскинул подбородок и протянул палочку старику:

— Толкуй.

Старый даос ещё секунду назад качал головой, но, взяв палочку, вдруг выпучил глаза. Он перевернул её и так и эдак, перечитал много раз и всё повторял:

— Как такое возможно? Только что ведь было... изменилось, почему изменилось?..

Он разглядывал палочку снова и снова, будто хотел содрать с неё эти восемь иероглифов и переписать что-то другое, потом снова поднял взгляд на Цзян Тана, осмотрел его сверху вниз и всё равно ошеломлённо пробормотал:

— Не должно быть так...

Да и не очень-то Цзян Тан жаждал толкования. Хорошее от плохого он и сам уже понял.

Пока тряс цилиндр, он всё время думал о Фу Линцзюне.

Он думал, есть ли у них с Фу Линцзюнем будущее.

Оба раза он задавал один и тот же вопрос.

Цзян Тан всегда считал, что он просто похотливый тип, которому нравится красивое лицо великого красавца. Но когда он тряс цилиндр только что, перед глазами всплыло, как в долине Тяньбэй мстительные души кричали и резали ему уши, а Фу Линцзюнь, сам будучи раненым, всё равно закрыл ему уши руками. Вспомнилось, как Фу Линцзюнь, умирая, с каменным лицом выгнал его прочь. Как жарил ему ту обугленную рыбу. Как заказал для него целый стол еды и сидел рядом, пока он ел. Как пришёл спасти его, когда благовоние притягивания душ утянуло

его в сон. Как вымыл ему ноги и обработал раны, когда он впервые стал человеком и оказался без обуви. Он даже вспомнил, как в тот день особенно пышно цвели лагерстрёмии, а Фу Линцзюнь послушно сидел на стуле, позволяя причесать себе волосы...

Картин было много. Капля за каплей, всё это были их общие мгновения.

Похоже, его чувства... не ограничивались одной только тягой к красоте.

Он правда влюбился в Фу Линцзюня.

И это осознание заставило Цзян Тана заколебаться.

Он не знал, каким будет конец Фу Линцзюня в этой истории. Но ему очень хотелось, чтобы тот жил хоть немного лучше, был больше похож на живого человека.

Маленькая рука вцепилась в рукав Фу Линцзюня.

Тот опустил голову, и густые ресницы скрыли большую часть его взгляда.

Цзян Тан облизнул пересохшие губы, голос у него слегка дрожал:

— Я хочу...

Он ещё не успел договорить, как Фу Линцзюнь неизвестно откуда достал свёрток, завернутый в промасленную бумагу.

Развернул — внутри лежали две жирные жареные рыбины, из которых уже выбрали все косточки.

— Подарок, — сказал он.

Это была серебронитая рыба, которую он долго искал в Кунчане.

Примечание автора:

Засос он оставил ещё в 56-й главе. У Тан-Тана и босса на самом деле никогда не было настоящего этого-самого. Эти два весенних сна соответствуют близости в гостинице в области Цянькунь, глава 38, и поцелую на утёсе Жисы, главы 44-45. Хотя Тан-Тан этого не помнит, тело всё равно хранит инстинкты, плюс во время духовного соития у них тоже было всякое такое, так что его сны — это улучшенная версия реальности, хахаха.

После того как они наконец признаются себе в чувствах, они очень скоро будут вместе, подтверждаю.

<http://bllate.org/book/17032/1644684>